

УЗБЕК БАЙЧУРА

Замечания к истории некоторых форм глагола в тюркских языках в связи с системой времен

1. Системы времен глагола в тюркских языках и их происхождение исследовались многими учеными. В СССР они наиболее полно рассмотрены Н. К. Дмитриевым в его *Грамматике башкирского языка* (1948) и *Грамматике кумыкского языка* (1940). По Н. К. Дмитриеву личные формы глагола в башкирском и др. тюркских языках могут восходить к причастиям, деепричастиям и отглагольным именам (точнее — к именам действия наподобие *алыт* 'взятие' → *алыт* + *ым* = *ал/ы/дым* 'я взял')¹. По мнению Н. А. Баскакова и др. все личные формы глагола восходят к причастиям или к производным от них формам². Имеются и другие мнения промежуточного характера.

Несомненно, большая часть глагольных форм в тюркских языках сводится к причастиям и именным формам, однако в основе ряда времен лежат деепричастия. Так, при помощи деепричастия на *-а/-ä(e)* */-ый/-и* образуются времена: (1) настоящее (*ала-м(ын)* 'беру') и прошедшее незаконченное (*ала идем* 'я брал', 'я был берущим') во многих тюркских языках. Это деепричастие сохраняется в настоящее время, ср. тат. *ала кил* 'взяв приди', 'принеси', 'захвати'. При помощи деепричастия на *-ыт/-еп* образуется форма *алымын* 'я взял' в узб., казах. и др., соответствующая перфекту *алган-мын* других тюркских языков. То, что форма *ал-ыт* 'взяв' — деепричастие, подтверждается (помимо ее формы) также ее синтаксической функцией: можно сказать *алыт килде* 'взяв пришел' но нельзя сказать *алыт китап*, следует сказать *алган китап* 'взятая книга' и т. д. Предположение Б. А. Серебрянникова о том, что ,... деепричастие на *-а, -э, -и*, вероятно

¹ Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, Москва 1948, стр. 140, 145, 148 и др.

² Сб. *Филология и история тюркских народов (тезисы докладов)*. Тюркологическая конференция в Ленинграде, Ленинград 1967, стр. 9.

³ Rocznik Orientalistyczny t. XL

первоначально имели значение причастия настоящего времени... не подтвержде-

но аргументами, противоречит фактам.

Происхождение форм может рассматриваться и с точки зрения того, являются ли они исконными или заимствованными. Так, Б. А. Сербренников в попытке объяснить появление некоторых глагольных форм в тюркских влиянием финно-угорских языков Ловозья. Он пишет, что появление форм *ala idem* 'я брал, был берущим', в татарском и башкирском языках в значительной степени было стимулировано влиянием финно-угорского субстрата, ибо, прошелившее незаконченное, почти тождественное по структуре, существует в финно-угорских языках Волго-Камья — марийском, уdmуртском и коми-пермячком. Однако, по-балкарский, кумыкский, крымско-татарский, оттадает объяснение возникновения этих форм влиянием финно-угорских языков на тюркские. Наличие во многих тюркских языках глагольных форм и времен, восходящих к упомянутым деепричастиям, исключает объяснение их происхождения влиянием тюркского (самодийской, чешских групп, как финно-угорской или в отношении тувинского) самодийской. 2. Обратимся к рассмотрению системы времен в тюркских языках и форм, их образующих. Классификация времен глагола в тюркских языках много, лучшая принадлежит Н. К. Дмитриеву. В *Грамматике башкирского языка* он насчитывает девять времен и дает их "морфологическую схему": (1) настоящее время: *al-a-m(yn)* 'я беру'; (2) прошелившее законченное: *al-d-ym* 'я взял'; (3) прошелившее настоящее: *al-gan-myn* 'я уже взял'; (4) давнепрошелившее: *al-gan inem* 'я еще раньше взял/брал'; (5) прошелившее незаконченное I-е: *al-a inem* 'я брал'; (6) будущее первое: *al-yp-myn* 'я возьму/буду брать'; (7) будущее второе: *al-a-yp-myn* 'я обязательно возьму'; (8) будущее-прошелившее: *al-a-yp inem* 'я надеялся взять/брал'; 'я должен был взять/брал'; (9) прошелившее незаконченное второе: *al-yp inem* 'я взял бы/брал бы'.

С незначительными вариациями эта классификация Н. К. Дмитриева была повторена Б. А. Сербренниковым в брошюре *Система времен таттарского языка*, где автор тоже насчитывает девять времен в изъяснительном наклонении: (1) настоящее время: *al-a-m* 'я беру'; (2) первое прошелившее: *al-d-ym* 'я взял'; (3) прошелившее второе: *al-gan-myn* 'я взял'; (4) преждепрошелившее время: *al-gan inem* 'я взял раньше'; (5) прошелившее незаконченное: *al-a idem* 'я брал'; (6) прошелившее многократно: *ala tof-gan idem* 'я брал неоднократно'; (7) будущее первое: *al-yp-myn* 'я возьму'; (8) будущее второе: *al-a-yp-myn* 'я обязательно возьму'; (9) будущее-прошелившее: *al-a-yp idem* — перевод последней формы в брошюре отсутствует.

Сравнение показывает, что в восьми случаях из девяти Б. А. Сербренников лишь повторяет те же самые времена и формы глагола в тех же самых

значениях, что и в книге Н. К. Дмитриева, лишь переименовав некоторые из них и заменив башкирскую форму *инем* 'я был' ее татарским соответствием *идем* 'я был'; в одном же случае, где нет совпадения (форма *ала торган идем*) перевод Б. А. Серебряникова неприемлем, т. к. основное значение здесь 'я был берущим'; то, что эта форма — грамматическое время, им вообще и не доказывалось; главное же внимание автор направляет на критику Н. К. Дмитриева по второстепенным вопросам и в то же время умалчивает о совпадении своих основных выводов о глагольных временах с таковыми Н. К. Дмитриева⁴.

В кумыкском Н. К. Дмитриев отмечает одиннадцать времен, не считая оборотов, выделяемых как 'формы для выражения прошедшего описательного'⁵. Эти времена следующие: (1) настоящее время: *бар-а-ман* 'я иду'; (2) будущее I: *бар-ар-ман* 'я пойду'; (3) будущее II: *бар-ажсаг-ман* 'я пойду'; (4) будущее в прошедшем: *бар-ажсаг ыдым* 'я пошел бы'; (5) прошедшее определенное: *бар-ды-м* 'я пошел'; (6) прошедшее неопределенное I (Определенный имперфект): *бара'дым* 'я шел (тогда)'; (7) прошедшее неопределенное II (Неопределенный имперфект): *сатар-дым* 'я продавал обычно', 'продал бы'; (8) перфект (прошедшее в настоящем): *бар-гам-ман* 'я уже ходил'; (9) спрягаемые сложные формы, образованные от причастия на *-ган*: 'Сочетание формы на *-ган* или соответствующих форм с суффиксом *-ыдым/-дым* дает обычно давнопрошедшее время (ср. турецкий и другие тюркские языки)'; 10 и 11 времена — сложные формы условного.

Таким образом, в изъявительном наклонении в кумыкском Н. К. Дмитриев отмечает также девять времен, как и в башкирском, причем эти времена в кумыкском и башкирском совпадают в морфологическом отношении и по употреблению, и единственное различие (помимо несущественных фонетических) заключается в названиях трех прошедших времен, да в соответствии кумыкской формы *сатар-дым* 'я продавал обычно' татарской *сата идем* 'я (обычно) продавал'. Таблицы времен глагола, приводимые Н. К. Дмитриевым, относятся

⁴ Брошюра Б. А. Серебряникова по его словам 'является результатом многолетних наблюдений ее автора'; однако она не содержит новых для науки выводов, зато в ней имеется ряд ошибок как теоретических, так и в языковых фактах. Например, автор утверждает, что существует кабардино-балкарский язык и относит его к кыпчакским, к кыпчакским же он относит и уйгурский — без аргументации. Однако нет кабардино-балкарского языка (есть лишь АССР), это разные языки, причем кабардинский относится к кавказским, а балкарский, хотя и тюркский, но не доказана его принадлежность к кыпчакским; уйгурский же, как известно, не относится к кыпчакским, он входит в юго-западную группу и т. д.. В брошюре множество неправильных переводов вроде следующих: *начар атмыйлар* переведено 'плохо стреляют', хотя следует: 'хорошо (неплохо) стреляют', *болан мөгезен ышкыган* переведено 'терся рогами олень', хотя следует: 'тер свой рог олень' и т. д., ввиду чего эти примеры не могут служить основанием для выводов автора брошюры.

⁵ Н. К. Дмитриев, *Строй тюркских языков. Морфология кумыкского языка*, Москва 1962, стр. 294-311 и др.

к дакирскому и кумьскому и, хотя в основном они применимы и к ряду других тюркских языков, они не исчерпывают всего многообразия времен не только тюркских языков вообще, но даже одного татарского, что относится и к тем, кто писал на эту тему после Н. К. Дмитриева.

Так, перечень времен глагола в татарском должен быть дополнен, напр., следующими: (1) перфект II : *ал-ыт-мын* 'я уже взял', (2) настоящее II (продолженное): *баф-а-ты-м* 'я иду'; (3) давнопрошедшее II : *баф-ды-м ийди*, соответствующее форме *бафган идем* 'я еще раньше (давно) ходил'; (4) прошедшее продолженное: *баф-ды-ыт-ып-м* 'я шел (был идущим)' и другие. Правда, эти формы в настоящее время диалектальны, однако нельзя пренебрегать *Систему ефен татарского глагола*, особенно — в сравнительно-историческом плане, без учета татарских диалектальных форм (как в учебнике), но споратически даже приводя примеры для сравнения из других тюркских и пытаясь делать выводы об истории тех или иных глагольных форм в татарском.

[illegible]

бар-мый-дыр ыйы-к; 2. л. мн. ч. сиз бар-мый-дыр ыйы-г-ыз; 3. л. мн. ч. алар бар-мый-дыр ыйы.

Все эти формы, разумеется, могут иметь и палатальные варианты: перфект — мин кил-еп-мен 'я уже пришел', Настоящее II: мин кил-а-те-м 'я иду (сюда)', 'прихожу' и т. п., II давнопрошедшее: мин кил-де-м ийе 'я еще раньше (давно) пришел'; Прошедшее продолженное: мин кил-а-дер ийе-м 'я шел, был идущим' и т. д.

Имеются и сложные времена, напр., давнопрошедшее III (по моему определению): 1. л. ед. ч. бар-ган бул-ган и-де-м 'я прежде (давно) ходил'; 2. л. ед. ч. бар-ган бул-ган и-де-ң 'ты прежде (давно) ходил'; 3. л. ед. ч. бар-ган бул-ган и-де 'он прежде (давно) ходил'; 1. л. мн. ч. бар-ган бул-ган и-де-к 'мы прежде (давно) ходили'; 2. л. мн. ч. бар-ган бул-ган и-де-г-ез 'вы прежде (давно) ходили'; 3. л. мн. ч. бар-ган бул-ган и-де (-ләр) 'они прежде (давно) ходили'. И т. д.

Приведенные формы татарского глагола упоминались в отдельных грамматиках татарского языка и в диалектологических работах, но, как правило, без попытки представить их в виде системы соотносительных времен глагола, т. к. ограничивались лишь делением на три аспекта: формы, обозначающие настоящее, будущее и прошедшее времена. Данные о пяти последних формах татарского глагола (кроме ал-а-ты-м/и) основаны на наших собственных наблюдениях над живой речью татар, происходящих из разных районов и подтверждаются упомянутой научной, а также художественной литературой, некоторые же формы (напр., ал-ып-мын 'я уже взял') признаются грамматическими временами в тех или иных тюркских языках.

3. Рассмотренное позволяет заключить, что в одном лишь татарском, только в изъявительном наклонении насчитывается не менее четырнадцати грамматических времен — в полтора раза больше, чем до сих пор обычно предполагалось. Но все эти времена образованы на основе значительно меньшего числа причастных, деепричастных и глагольно-именных (т. е. неличных) форм. Видимо поэтому школьные и иные грамматики отмечают меньшее количество времен, ибо принимают во внимание главным образом лишь форму основного глагола, а также исключают из рассмотрения чисто письменные и диалектальные формы. Эти неличные формы (числом шесть), составляющие основу времен глагола, суть следующие: (1) деепричастие несовершенного вида (бар-а 'идя') лежит в основе I настоящего, II настоящего, прошедшего незаконченного и прошедшего продолженного времен; (2) деепричастие совершенного вида (бар-ып 'пойдя') лежит в основе перфекта II; (3) причастие настоящего времени (бар-ыр 'идуший' или 'тот, к которому/по которому пойдут') лежит в основе будущего I и прошедшего незаконченного; (4) причастие будущего времени (ал-а-чак 'тот, который возьмет' или 'тот, который возьмут') образует будущее II и будущее в прошедшем; (5) причастие прошедшего времени ал-ган 'взявший' или 'взятый' образует перфект I (прошедше-настоящее), давнопрошедшее I и давнопрошедшее III; (6) отглагольное имя типа ал/ы/т 'взятие' (предположение Н. К. Дмитриева и др.) лежит в основе прошедшего

законченного и давнопрошедшего II. Обратимся к рассмотрению отдельных не-

личных форм.

4. Деепричастие на *-a/-d/-yil/-u* имеется во многих тюркских языках, как и времена, образующие с его помощью. Эта форма не сводима к другим. В отдельных случаях может совпадать по функции с причастием настоящего времени на *-ap*: (1) ср. кумык. прошедшее неопределенное время: *cam-ap-dy-m* 'я продавал обычно', и татар. диалект. *methap ide* вместо тат. литер. *meth ide* 'спускался обычно', 'спускался в то время, когда происходило другое действие'; (2) тат. диал. *comladp* 'молочный, богатый молоком' вместо тат. лит. *comle* — с тем же знач. и т. д.; (3) конечное *p* имеет тенденцию отпадать во многих алтайских языках, напр., в качаево-балкарском закономерно отпадает конечное *p* аффикса множ. числа *-lap*. Однако семантика противоречит предположению о возможности сведения этих двух форм к одной, ибо нет данных, подтверждающих то, что форма на *-ap* употреблялась бы в качестве деепричастия на *-a*, также, как нет оснований предполагать, что 'деепричастие на *-a*, *-э*, *-и* вероятно первоначально имело значение причастия настоящего времени', как пишет Б. А. Сербренников. То, что по функциям эти формы могут частично совпадать (при образовании грамматических времен) еще не доказывает совпадения других их функций. Совпадать же по функциям при образовании глагольных времен могут и совершенно различные формы, как напр., форма на *-gan* и форма на *-yn*, обе образующие перфект. Допустить происхождение деепричастия на *-a* из причастия на *-ap* можно было бы лишь в том случае, если бы было показано полное совпадение их функций. Гипотезы тоже должны иметь основание, они не могут строиться на пустом месте.

5. Деепричастие на *-yn/-en* ('взяв', 'имеется во многих тюркских языках различных групп, как и образующий с его помощью перфект *al-yn-myn* 'я уже взял', не сводится к другим формам и повидимому является весьма древним.

6. Причастие настоящего времени на *-ap/-dp/-ep/-p* (*az-ap* > *ak-ap* 'текущий'; *al-yip* 'подлежащий взятию', *kil-ep* 'тот, который придет') имеется во многих тюркских языках, как и времена, образующие с его помощью этого причастия. В ряде тюркских языков, напр., в турецком, с его помощью образуются настоящее время. В поволжско-тюркских формах *al-yip-myn* может означать и настоящее и будущее время. О последнем сказано выше. Констатируя возможность обозначения этой формой настоящего времени, Н. К. Дмитриев пишет, что иногда, форма будущего I-го ... означает настоящее время, не связанное с данным моментом и поэтому лишь при соответствующих условиях ... Пример: *myñ keñgez, ka: a-ka: a beme: p* — если тот, кто не надевал шубы, наденет шубу, он издевет ее, то и дело выколотая (пословица)⁷. Как упоминалось выше, в татарских говорах форма на *-ap* может употребляться вместо формы на *-a*, напр., *methap ide* 'обычно останавливался' и др. знач. Такая форма обычна и в старописменном

⁷ Б. А. Сербренников, указ. брошюра, стр. 9.
Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, Москва 1948, стр. 150.

татарском. Сохранение у будущего I, образуемого данной формой, значения настоящего времени (хотя и в ограниченном числе случаев) объясняется прежде всего сохранением такого значения у причастия на *-ар*. Утверждение Б. А. Серебрянникова, что у данной формы (или у будущего I) „Значение настоящего времени в татарском языке полностью утратилось”⁸ не соответствует действительности. То, что действие, обозначаемое причастием на *-ар*, может относиться к настоящему времени, вполне очевидно из сочетаний типа *аг-ар су* ‘текучая (текущая) вода’, существующих в татарском по сей день. Значение будущего времени здесь вообще отсутствует. Как известно, к этому же причастию восходит и аффикс сказуемости 3-го лица *-тыр/-дыр* (*ал-а-дыр* ‘он берет’ — из *ал-а тур-ур/тор-ор* — буквально: ‘он беря стоит’). Эта форма бытует в татарском издавна по сей день, имеет диалектные варианты типа *ал-а-ты* ‘он берет’ и т. д.⁹ Поскольку переосмысление настоящего времени в будущее обычное явление во многих языках (напр., в русском, английском, ряде финно-угорских и др.), не трудно было по аналогии заключить, что в поволжско-тюркских будущее I могло возникнуть из древнего настоящего на *-ар*.

7. Причастие будущего времени на *-ачак/-äçäk* и времена, от него образованные, имеются во многих тюркских языках, в том числе татарском (*-ачак*) и башкирском (*-асак*), где широко распространены, встречаются они и в мишар-татарском, напр., у горьковских мишарей: *кил-ä-çäk йыл* ‘будущий год’ (букв. ‘год, который придет’), *ат’-а-çак сүзем йок* ‘мне нечего сказать’ (букв. ‘у меня нет слова, предназначенного, чтобы сказать’) и т. д. Форма на *-ачак* является в татарском литературной, поэтому при изучении диалектов она не фиксируется, ибо диалектологи обычно отмечают только отличия говоров от литературного языка, не ставя задачи интегрального их описания. Этим объясняется то недоразумение, в результате которого Б. А. Серебрянников отрицает наличие этой формы в большинстве татарских говоров¹⁰, исходя из литературы. Между тем, данная форма обычна в татарском и башкирском. Но даже если бы она имелась лишь в некоторых говорах, то и тогда не исключено, что это реликты общетюркского периода. Б. А. Серебрянников, видимо, полагает, что, коль скоро поволжско-тюркские не относятся к огузским, то обнаружение в них форм, общих с огузскими, должно свидетельствовать о заимствованном характере их. Между тем, из этой общности следует скорее заключить об относительности самой классификации языков ввиду относительности

⁸ Б. А. Серебрянников, указ. брошюра, стр. 61.

⁹ Б. А. Серебрянников отрицает существование в современном татарском этого аффикса и сомневается в том, был ли он в нем когда-либо, ибо пишет: „форма 3-го лица ед. числа настоящего времени, возможно, некогда имела специальное окончание *-тыр*, *-дыр* (*-тер*, *-дер*), со временем отпавшее” (указ. брошюра, стр. 9). Если бы автор достаточно ознакомился с литературой, он бы не сомневался в том, что этот аффикс существовал и существует сейчас в татарском и даже не в одном, а в двух значениях.

¹⁰ Б. А. Серебрянников, указ. брошюра, стр. 64.

различий между этими группами, которые в действительности имеют больше общего, чем принято считать. Если же в качестве критерия исконности брать степень распространённости этой формы в изучаемом языке, то, несомненно, придётся признать исконность формы на *-ачак* в поволжско-тюркских ещё и ввиду её широкой распространённости в последних.

8. Причастие прошедшего времени на *-ган/-кан* имеется во многих тюркских в том числе татарском и башкирском. Напр., тат. *ал-ган* 'взявший', 'взятый' при добавлении личных аффиксов образует перфект I. Примеры: — ср. *кетте кил-ган* 'человек пришел' — *кил-ган кетте* 'пришедший человек', *күф-ган кетте* 'увиденный человек'. По современному употреблению форма на *-ган* причастие и нет оснований утверждать, что она не была таковой исторически. Нельзя сказать: *аган бафа*, следует сказать *аган бафа* 'взяв идет'. Это значит, что форма на *-ган* не может служить обстоятельством, а это артефакт в пользу того, что данная форма — причастие, а не деепричастие.

Трактовка функций формы на *-ган* у разных авторов различна. Одни, как Н. К. Дмитриев, считают, что с помощью этой формы образуется перфект. Другая точка зрения, представляемая рядом школьных и т. п. учебных грамматик и подержанная некоторыми языковедами (А. А. Юлдашев, Дж. Кисебев, частично Б. А. Серберенин и др.) заключается в том, что форма на *-ган* передает, по их мнению, 'неочевидное', 'затлазное' действие.

По мнению А. А. Юлдашева, 'Основным значением прошедшего на *-ган* является обозначение действия, которое имело место в прошлом и очевидно, которое говоривший не был. Остальные формы прошедшего времени не имеют указания на этот модальный оттенок ('затлазность'). Поэтому он является для формы на *-ган* наиболее характерным. Следовательно, наиболее подходящим ее названием будет 'прошедшее неочевидное', а не перфект'. Трактовка данной формы как перфекта возможна только с помощью логизирования, ибо, во-первых, существование результатов действия, обозначенного этой формой, не переходит рамки самого действия; во-вторых, сочетание формы на *-ган* с аффиксом сказуемости представляет собой не делимый на составные части комплекс, обозначающий прошедшее неочевидное...'. Автор далее указывает, что форма на *-ган* не может быть образована от 'глаголов, обозначающих действие, протекающее на глазах', что возможно, 'употребление прошедшего на *-ган* в повествованиях, сказках'¹¹. Дж. Кисебев находит, 'Прошедшее определенное и прошедшее неопределенное (очевидное и неочевидное) время глагола' в урало-алтайских языках¹². Здесь, как видно, 'определенное' время приравнено к 'очевидному', а 'неопределенное' — к 'неочевидному'. Но это необосновано, ибо, определенное' и 'не-

¹¹ А. А. Юлдашев, Система словообразования и инфлексия глагола в башкирском языке, Москва 1958, стр. 138-140 и др.
¹² Дж. Кисебев, Программа курса: введение в урало-алтайское языкознание, Уфа 1967, стр. 34.

определенное" времена являются таковыми, как известно, ввиду „определенности" — „неопределенности" периода времени, к которому относится действие, тогда как „очевидность" — „неочевидность" относятся не к временной категории, а к субъективному восприятию действия тем или иным лицом, ввиду чего при таком приравнении смешиваются разные вещи.

Б. А. Серебrenников, пытаясь примирить две точки зрения, названные им самим „диаметрально противоположными", пишет, что употребление прошедшего времени, образованного с помощью формы на *-ган* „в современном татарском языке двухаспектно", ибо оно „может быть употреблено и в значении перфекта и в модальном значении прошедшего неочевидного. Поэтому существование двух полярных точек зрения в отношении определения сущности" этого „прошедшего времени в татарском и башкирском языках теоретически ничем не оправдано"¹³.

В действительности теоретически ничем не оправдана точка зрения А. А. Юлдашева, Дж. Киекбаева и самого Б. А. Серебrenникова.

Физическое время, как известно, одномерно, оно характеризуется линейностью и описывается одной координатой. Поэтому и грамматические времена должны все укладываться в одну линию — последовательную линию времен и могут характеризоваться (1) последовательностью (настоящие, будущие, прошедшие времена), (2) законченностью-незаконченностью действия по отношению к другому действию или по отношению к точке во времени (термины „совершенное" — „несовершенное" времена неточны, т. к. это неточный перевод термина „перфект"); (3) продолжительностью или мгновенностью действия; (4) отсутствием определенного указания на место во времени и др. Однако все времена должны укладываться в одну координату или в порядке последовательности или накладываясь одно на другое, когда одно действие (более длительное) служит фоном для другого (мгновенного). Что же касается „очевидности" — „неочевидности" или „заглазости" — „незаглазости", то они не укладываются в одномерную координату времени: одно из них не следует за другим и не служит фоном для другого во временном плане, „заглазость" — „незаглазость" не противостоят друг другу во времени и поэтому не являются временными категориями, ввиду чего и не может быть „очевидного" или „заглазного" времен. (Ср. мою статью 1968 г., *v.i.*).

Трактуя форму на *-ган* как грамматическое время, Н. К. Дмитриев логично обратил главное внимание на то общее и постоянное, притом грамматическое, что характеризует форму на *-ган* с точки зрения временной, именно, на законченность, завершенность действия, выражаемого этой формой, а также на его результативность.

Оппоненты же Н. К. Дмитриева — А. А. Юлдашев, Б. А. Серебrenников и др. — утверждают, что с помощью формы на *-ган* образуется „заглазное"; „неочевидное" время глагола и тут же сами относят „заглазность", „неочевидность" к модальности и этим сами себя побивают, ибо модальность не есть время.

¹³ Б. А. Серебrenников, указ. брошюра, стр. 28-29.

Аргументы А. А. Юлдашева также несостоятельны. Во-первых, вопреки автору, результаты действия, обозначающего формой на *-ган* переходят рамки действия: ср. тат. *йот салыган* 'дом построен': здесь результат налично, хотя действия давно закончено; да это и вообще имеет мало отношения к делу. Во-вторых, 'аргумент', что сочетание формы на *-ган* с аффиксом сказуемости образует, 'предшес неочевидное' время сам требует доказательства. В-третьих, утверждение, что невозможно образовать форму на *-ган*, 'от глаголов, обозначающих действие, протекающее на глазах' лишь подтверждает трактовку формы на *-ган* как перфекта, ибо завершенное действие и не может быть протекающим на глазах, т. е. является уже протекившим, а на глазах или не на глазах — это не имеет значения с точки зрения времени. В-четвертых, не относится к делу то, употребляется или нет данная форма в сказках.

9. Б. А. Сербренников и А. А. Юлдашев признают, что значение 'неочевидности' является модалным оттенком, выражает модалность. Но если 'неочевидность', 'загазанность' относится к модалности, то уже поэтому данная форма не может быть грамматическим временем.

Эти авторы смешивают модалность с грамматическим временем, приравнивают их друг к другу. Но если в качестве грамматического времени рассматривать формы, которые, по признанию самих авторов, отличаются по значению от других времен лишь модалными оттенками, то, следуя этой логике, допустимо сочетание инфинитива с глаголами *хотеть*, *желать* и пр. называть новыми временами и утверждать, что в русском не три грамматических времени, как до сих пор полагали, а больше, напр., выражение *хочу идти* будет временем 'желательным' *'должен идти'* — временем 'должностельным' и т. д. (Именно этот путь избрал и молодой московский автор К. М. Лобов¹⁴). Однако это лишь неправильное употребление известных терминов, порожающее только путаницу.

Попытка Б. А. Сербренникова объединить два взгляда, утверждая, что у данного времени возможно и 'значение перфекта' и 'значение прошедшего неочевидного времени' несостоятельна, ибо представляет механическое сложение двух известных взглядов, попытка же собственного грамматического анализа этого времени у него отсутствует.

Между тем, при данной постановке вопроса, т. е. при определении грамматических времен, с любой точки зрения допустимо вести речь только о временных характеристиках, тогда как 'очевидность', 'загазанность' и т. п. не имеют отношения к временным характеристикам и поэтому вообще не могут приниматься во внимание при установлении грамматических времен. Анализ языкового материала показывает, что действие, выражаемое формой на *-ган*, независимо от ее модалных оттенков, есть законченное действие. Так, во всех четырех выделяемых Б. А. Сербренниковым случаях употребления формы

¹⁴ К. М. Лобов, Система грамматических времен в современном турецком языке, 'Советская тюркология', 1970, № 2, стр. 44-63.

на *-ган* в „заглазном значении” она всюду передает совершенность действия: *сөргенгә жиба́релгән* ‘отправлен в ссылку’, *сеңелләре үлгәннәр* ‘его сестры умерли’, *ашыгып чыгып киткәннәр* ‘ушли в большой спешке’ и т. д.¹⁵

В плане историческом не является аргументированным предположение упомянутого автора о том, что вначале у формы на *-ган* было одно значение — перфектное, а затем „возникло второе значение — модальное значение неочевидности”. Поскольку развитие грамматических значений в общем идет в первую очередь по линии интеграции, то, пока не доказано противное, приходится полагать, что из относительно менее дифференцированных нескольких значений данной формы постепенно развивается и уже возникло основное перфектное значение формы на *-ган*, тогда как модальное значение „неочевидности” носит остаточный, рудиментарный характер.

10. Что касается глагольной формы *алды* ‘он взял’, то упомянутое выше предположение о происхождении ее из отглагольного имени типа *ал/ы/т* путем добавления аффиксов принадлежности (*алыт+ым* → *алдым* ‘я взял’) имеет сейчас распространение и нет другой более обоснованной гипотезы. Возражения вызывает лишь предположение Б. А. Серебряникова, что „отглагольное имя на *-ыт*, *-ит* в составе форм прошедшего времени на *-ды*, *-ди* отражает особенности архаического мышления...”¹⁶ Попытка связать современные языковые формы с архаичностью или неархаичностью мышления, как известно, исходит из недоказанного предположения о непосредственном отражении языком характера мышления и из необоснованного допущения, что современные языки восходят к истокам человечества, хотя, как давно доказано, напротив, современным языкам, как правило, генеалогически предшествуют другие языки, часто иной, нередко более сложной системы, тогда как мышление народов-носителей этих языков не стало более примитивным, а, напротив, стало более совершенным (что видно и из культуры), несмотря на упростившиеся грамматические формы (ср. переход от синтетического строя к аналитическому в английском, французском и др.).

Настоящая статья была написана по материалам моего доклада на Симпозиуме по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков в июне 1967 г. в Институте языкознания АН СССР. Материалы Симпозиума, вопреки первоначальному плану, не были опубликованы и я просил сохранить мою рукопись (24 стр. м/п) в архиве института¹⁷. По предложению редакции РО было сочтено целесообразным дополнить эту статью некоторыми ссылками на литературу. Хотя со времени написания статьи прошло десять лет, и появился ряд работ разных авторов, однако последние не внесли нового в отношении принципиальных положений

¹⁵ Б. А. Серебряников, указ. брошюра, стр. 23–26.

¹⁶ Сб. *Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Тезисы сообщений*, Москва 1967, стр. 31.

¹⁷ Идея о том, что в татарском имеется не менее 14 грамматических времен глагола, была очень кратко изложена мною в тезисах сообщения *К методологии фонетических исследований*, в: *День Артура Озола*, Рига 1968, стр. 10.

ний данной статьи. Так, одной из моих задач было дать грамматический анализ времен глагола, в противоположность распространенной семантической и т. п. классификации. Между тем, подавляющее большинство советских языковедов придерживалось и придерживается дограмматических взглядов, восходящих к акад. Л. В. Щербе, акад. В. В. Винограду и др., несостоятельности которых была мною подробно показана в ряде работ (см. ниже). Так, при определении морфологических категорий (как части речи и т. п.) исходят из трех оснований: семантического, синтаксического и морфологического (Э. В. Севортян, А. Н. Кононов, Д. Т. Тумашева и др.¹⁸); аналогичной позиции придерживаются и Н. А. Баскаков, хотя он и пишет, что „Вопрос о составе и принципах классификации частей речи в конкретных языках, в т. ч. в хакасском, пока не разрешен“¹⁹; А. С. Соколов также исходит из „лексико-грамматических категорий“, а не чисто грамматических²⁰; М. З. Закриев в статье *Классификация частей речи и аффиксов в тюркских языках*, в которой он обвиняет (без доказательств) тюркологов в распространении на тюркские языки спецификации индоевропейских языков, сам вообще избегает изложения принципов классификации частей речи²¹, тогда как в других своих работах он, как и многие другие, исходит из чисто семантической классификации грамматических явлений; уровень грамматических взглядов А. М. Щерба как достаточно характеризуется его утверждением, что в тюркских языках все падения распределяются на две группы, из которых одна более грамматическая, чем другая²², а что касается статьи Х. Т. Нигматулова²³ *Соотношение частей речи в восточнотюркском языке XI-XII вв.*²⁴, то в ретическом отношении все то, что здесь не является повторением (разумется, без ссылок) моих выводов (из перечисленных ниже работ), не подвергается никакой критике, как напр., его определение: „Категория времени выражает отношение действия к моменту речи и органически связана с категорией наклонения“²⁵. Это определение, взятое у В. В. Виноградова, является русско-центрическим и не отражает действительности, ибо категория времени выражает время действия не только в отношении момента речи, но и в отношении другого действия и т. д. и эта

- ¹⁸ См. Э. В. Севортян, *К проблеме частей речи в тюркских языках*, в: *Вопросы грамматического строя*, Москва 1955; А. Н. Кононов, *Грамматика современного тюркского литературного языка*, Москва—Ленинград 1956, стр. 59; Д. Т. Тумашева, *Хазарге татаф эдбу теве морфологиясе*, Казан 1964, стр. 39 и др.
¹⁹ Н. А. Баскаков, *Грамматика хакасского языка*, Москва 1975, стр. 46-47.
²⁰ „Советская тюркология“ 1970, № 4, стр. 71, сл.
²¹ „Советская тюркология“ 1973, № 6, стр. 3-8.
²² „Советская тюркология“ 1972, № 4, стр. 5.
²³ Х. Т. Нигматов и Л. Т. Махмудова (о которой ниже) — ученые А. Н. Кононова.
²⁴ „Советская тюркология“ 1975, № 1, стр. 41-56.
²⁵ „Советская тюркология“ 1970, № 5, стр. 51.

элементарная истина хорошо известна даже на примере многих индоевропейских языков, имеющих более сложную систему времен. Помимо положений, с которыми нельзя согласиться, содержится повторение идей Г. Алпара и моих (разумеется, без соответствующих ссылок) в статье Х. Ф. Исхаковой: *К вопросу о формальном описании морфологии тюркских языков*²⁶ (основанной в первую очередь на татарском), а также в статье Л. Т. Махмудовой: *Формы прошедшего времени в мишарских диалектах*²⁷. Статья К. М. Любимова *Система грамматических времен в современном турецком языке*, опубликованная три года спустя после моего доклада (и статьи, опубликованной в Риге в 1968 г. см. ниже), касается частного вопроса тюркологии — системы времен глагола в одном из 48 тюркских языков и наречий — турецком и содержит рассмотрение вопроса не в грамматическом, а в традиционном лексико-грамматическом и лексико-семантическом плане. Поскольку турецкому посвящено бесчисленное количество грамматик, издававшихся в течение не менее полтысячелетия и на Востоке и на Западе, то я, не будучи специалистом по турецкому языку, не берусь высказаться о том, какую ценность может представить данная статья для изучения турецкого глагола вообще. Что же касается плана собственно грамматического, теоретического, то упомянутая работа не выдерживает научной критики. Уже на первой странице автор заявляет, что „Система наклонений, времен и модальностей в современном турецком языке является довольно сложной; общее число входящих в нее форм достигает трех тысяч”. То есть автор, следуя за Б. А. Серебрянниковым и А. А. Юлдашевым, смешивает грамматические времена с модальностью и наклонением и приходит к курьезным выводам, что показывает актуальность нашей критики взглядов Б. А. Серебрянникова и А. А. Юлдашева, являющихся предтечей данного автора. Далее в статье встречаем традиционные определения вроде „лексико-грамматические причастия на -миш”, „лексико-грамматические причастия на -аджак”²⁸ и т. п., хотя, вопреки автору, его иллюстрации показывают, что речь может идти только о разных лексических примерах (напр., *çürümüş elma* ‘гнилое яблоко’, *ölmüş aslan* ‘мертвый лев’) или о фонетических вариантах *mış/miş/müş/müş* (то же с *acak*) одного и того же аффикса и т. д., а не о разных аффиксах на -миш (или -асак — соответственно). Далее автор утверждает, что „лексико-грамматическим причастиям противопоставляются грамматические причастия, соответствующие тем или иным конкретным грамматическим временам. Грамматические причастия употребляются в языке только как определения. Примеры: 1) *Bana bir mektup yazmış olan adam* ‘Человек, который является/являлся написавшим мне письмо’; 2) *Bana bir mektup yazacak olan adam* ‘Человек, который является/являлся имеющим написать мне письмо’²⁹. Здесь нет ни одного положения, с которым можно

²⁶ „Советская тюркология” 1971, № 6, стр. 32–44.

²⁷ „Советская тюркология” 1976, № 3, стр. 17–25.

²⁸ „Советская тюркология” 1970, № 2, стр. 51.

²⁹ Там же.

соглашаться. Конкретным грамматическим временам соответствуют те или иные причастия совершенного независимо от того, назовем ли мы их „грамматическими“ или „лексико-грамматическими“, однако это соответствие относительно, поскольку с помощью одного причастия могут образовываться разные времена и т. д. Далее, по К. Любимову и „грамматические“ и „лексико-грамматические“ причастия имеют одинаковую форму (-*mit* или -*ad* как — соответственно), т. е. не отличаются морфологически друг от друга. Между тем, только морфологические особенности имеют значение для определения причастия, как и иных частей речи. С другой стороны, в приведенных примерах, вопреки автору, упомянутые причастия не употребляются как определение, ибо в выражениях *uzatqan olan*, *uzatqan olan* они представляют собой именную часть составного сказуемого, в котором глагол-связка *olmak* имеет причастную форму. Следовательно причастие исчезает даже та функциональная разница между „лексико-грамматическим“ и „грамматическим“ причастиями, вылинувшаяся автором и остается одна лишь путаница с терминами, ибо разные термины употребляются для обозначения одного и того же явления. Переводы автора по меньшей мере неточны, ибо не должны здесь быть слова „являются“, „имеют“ и т. п. Правильный перевод здесь должен быть: 1) „Человек, написавший мне письмо“, 2) „Человек, который собирался написать мне письмо“ или „человек, который должен был написать мне письмо“. Здесь нет места для дальнейшего рассмотрения статьи К. Любимова, да в этом и нет необходимости, т. к. рассмотренное уже показывает, что данная работа не является вкладом в изучение грамматики ни турецкого, ни, тем более, тюркских языков.

Как правильно отметил проф. Нгуло Минисси, касаясь общего состояния современного языкознания, „Ориенталисты сейчас, как и прежде, вообще не занимаются методикой“³⁰ (в теоретическом плане — В. Б.) Следует добавить, что большинство советских тюркологов не только не занимается теорией, но игнорирует даже имеющиеся в СССР достижения тюркологов в области теории. Так, еще в 1925 г. выдающийся татарский языковед, проф. Тыйбад Аливар создаст первую формальную грамматику в области тюркских языков, основанную на строгих типах принципах (так сказать, „открытых“ на Западе десятилетиями позже), названную *Шекли нисезд матлаф грамматикасы* (См. Т. Аливар, *Сайланма хезматлар*, Казан, 1945); выдающийся русский тюрколог, акад. А. Н. Самойлович, также судя по статье А. Н. Коннова А. Н. Самойлович — грамматик³¹, также придерживался формальных, строгих валидов на грамматику. Но даже сам А. Н. Коннов, как и другие, не учитывает достижений этих ученых в теории. Что касается автора этих строк, то здесь я продолжкою линии Т. Аливар — А. Н. Самойловича, с тем отличием, что, если у этих ученых данный

³⁰ N. Minissi, *Zur Erneuerung der sprachgeschichtlichen Methode*, в: *Zum IV. Intern. Linguistenkongress in Budapest 1975. Beiträge aus dem Instituto Universitario Orientale di Napoli*, Napoli 1975, стр. 3.

³¹ „Советская тюркология“ 1973, № 5, стр. 41–42.

вопрос решался прежде всего в практическом плане и на материале отдельных конкретных тюркских языков, то мною данная проблема рассматривается прежде всего в общетеоретическом плане, на материале не только тюркских, но и индоевропейских языков (в том числе — русского) — см., напр., следующие мои работы: (1) *К методологии фонетических исследований*, в: *Artura Ozola diena. Zinātniska konference Fonētikas un fonologijas aktualās problēmas. Referātu tēzes, Rīgā 1968*, стр. 6–12; (2) *Вопросы синтаксиса простого и сложного предложения в тюркских языках в связи с некоторыми индоевропейскими*, *Artura Ozola diena. Sintagmātika, paradigmātika un to savstarpējās attieksmes sintakses līmenī. Zinātniskas konferences materiāli, Rīgā 1970*, стр. 10–16; (3) *О категории надежды в языках урало-алтайских и индоевропейских 7. Artura Ozola diena. Locījuma kategorija valodas struktūrā un sistēma. Zinātniskas konferences materiāli, Rīgā 1971*, стр. 13–15; (4) *On the Principle of Correspondence of Linguistic Concepts and Units to the Language Levels Represented by them, Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists, Bologna 1972*, pp. 341–343; (5) *О соответствии лингвистических понятий отражаемым ими уровням языка, „Русское языкознание”, вып. 2, Алма-Ата 1973*, стр. 145–154 и т. д.

Как мне уже приходилось неоднократно высказываться, достижения советской тюркологии (да и лингвистики вообще) относятся прежде всего и главным образом к области дескриптивной, хотя и не приходится отрицать того, что состояние теоретических знаний не может не оказывать влияния на качество описаний.

